

ОЛЬГА ДАШКОВА

Любовь СО ВСЕМИ
НЕУДОБСТВАМИ

18+

Ольга Дашкова

Любовь со всеми неудобствами

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Любовь со всеми неудобствами / О. В. Дашкова — «Автор»,
2026

– Еще одно движение – и я вышибу тебе мозги.– Я законный владелец! У меня есть документы!– Ага, а я – королева Великобритании. Знакомство успешного архитектора, с соседкой Василисой началось странно. Он приехал в деревню в поисках душевного покоя, а нашел войну с местной амазонкой, которая считает всех городских паразитами. Так начинается соседская война между городским франтом и деревенской затворницей с охотничьим ружьем. Их участники юридически связаны, характеры взрывоопасны, а симпатия друг к другу равна нулю. Но иногда самая жгучая ненависть может обернуться самой нежной любовью, но со всеми неудобствами.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Дашкова

Любовь со всеми неудобствами

Глава 1

Психолог Елена Викторовна, видимо, считала себя очень умной, когда советовала мне «найти гармонию с природой».

Интересно, имела ли она в виду меня, успешного архитектора с двумя высшими образованиями, который стоит по колено в весенней грязи и безуспешно пытается вытащить свой внедорожник из деревенской колдобины?

«Гармония с природой», – говорила Елена Викторовна. Ага. Природа явно меня не приняла.

– Приехали, барин! – радостно объявил мужичок лет шестидесяти в резиновых сапогах, появившийся словно из-под земли.

Откуда он вообще взялся?

– Трактор нужен, зуб даю, нужен, – со знанием дела заявил мужичок, почесывая затылок. – У Корнея есть, он за полтинник вытащит.

– Полтинник чего?

– А чего есть? – мужик оживился, даже шею почесал и губы облизнул.

Но чувствую, что начавшийся диалог может зайти в тупик. Надо оперировать конкретными суммами и цифрами.

– Пятисот рублей хватит?

– О, барин, да это... я того... это... Сейчас все организую в лучшем виде, но деньги вперед, – мужик воодушевился еще больше, в глазах появился блеск.

– А если потом?

– Когда потом? – мужичок недовольно заморгал.

Господи, абсурд какой. Стою неизвестно где, внедорожник на половину колеса в грязи, и торгуюсь из-за пятисот рублей.

– Давайте трактор, – вздохнул, доставая бумажник.

Мужичок схватил купюру так, словно боялся, что она самовоспламенится, кивнул куда-то в сторону полей и растворился в начинающихся сумерках, как деревенский призрак. А я остался наедине со своим стальным конем, который выглядел сейчас, как дорогая игрушка, брошенная в песочнице.

Час прошел в созерцании окрестных красот: грязи, голых деревьев и серого неба. Второй час добавил к пейзажу легкую изморось. К третьему часу стало ясно: меня кинули. Классически, по-деревенски, без затей. А я купился, как последний лошара.

«Единение с природой», мысленно поблагодарил я свою психоаналитическую наставницу. «Возвращение к истокам». Ага. К истокам человеческого мошенничества, видимо.

Что ж, план «Б» – собственные ноги. Достал из машины дорожную сумку, включил сигнализацию (пусть местные вороны знают, что немецкий автопром под защитой) и двинулся пешком по направлению к деревне.

Фирменные кроссовки за пятнадцать тысяч с каждым шагом превращались в дорогие ласты для болотных прогулок. Через полкилометра такого «фитнеса» я понял истинное предназначение резиновых сапог – это не элемент деревенского фольклора, а средство выживания в агрессивной среде.

Наконец добрался до своих новых владений, спасибо сделанному скрину карты местности, ибо сотовая связь была почти на нуле. Дом в темноте выглядел еще более сюрреалистично,

чем на риелторских фотографиях. Впрочем, это уже было неважно – я просто хотел попасть внутрь, содрать промокшую обувь и попытаться вернуть себе подобие человеческого облика.

Достал связку ключей и столкнулся с замком размером с небольшой банковский сейф. Советское наследие: надежно, основательно и категорически враждебно к современным технологиям вскрытия, это вам не умный дом. В наступивших сумерках я методично перебирал ключи, сопровождая процесс творческой руганью.

«Архитектор с двумя дипломами против деревенского замка, – комментировал внутренний голос. – Ставки принимаются».

Через десять минут безуспешной возни я почувствовал, как что-то холодное и определенно металлическое уперлось мне в спину.

– Еще одно движение – и я разнесу тебе башку, – любезно проинформировал женский голос.

Связка с ключами со звоном рухнула на деревянные ступени. Сумка шлепнулась следом. Руки автоматически поднялись вверх, а в желудке все болезненно свернулось.

Великолепно! Финальный аккорд моего «слияния с природой»! Сейчас меня пристрелит какая-то местная партизанка, а завтра в криминальных сводках прочитают: «Столичный архитектор убит при попытке ограбления». Елена Викторовна будет в восторге от такого нетрадиционного решения моих психологических проблем.

– Я владелец этого дома! – выдавил из себя, стараясь говорить убедительно. – Добрыня Каменских. Купил его на законных основаниях. Документы есть.

– Ага, а я королева Великобритании, – в голосе слышалось такое презрение, что я почувствовал себя пойманным карманником. – Где документы?

– В сумке.

«Идеально, – мелькнуло в голове. – Сначала меня обокрали, теперь убьют за попытку проникнуть в собственный дом. Кафка нервно курит в сторонке».

– Доставай. Медленно, – приказала невидимая хозяйка ружья.

Осторожно наклонился, нащупал папку с документами и извлек ее с такой деликатностью, словно обезвреживал бомбу.

– Сюда.

Она взяла папку, и я услышал шелест страниц. Дуло ружья все еще упиралось мне в позвоночник, напоминая о хрупкости человеческого существования.

– Добрыня Каменских, – прочитала девушка. В ее голосе звучало такое недоверие, словно в документах было написано «космический пират». – Купил дом за... – пауза. – Боже мой, да вас же развели, как младенца! За такие деньги можно было скупить полдеревни.

Ваша оценка моих коммерческих талантов просто бесценна, дорогая незнакомка.

– Возможно, – дипломатично согласился. – Но это мой дом.

Давление ружья ослабло, но не исчезло.

– Документы вроде настоящие, – недовольно констатировала моя мучительница.

Медленно обернулся. Передо мной стояла блондинка, девушка лет двадцати пяти в грязных резиновых сапогах, потертой куртке и с охотничьим ружьем в руках. Смотрела она на меня так, словно я был представителем какой-то особо неприятной разновидности городских паразитов.

– Василиса, – коротко представилась она. – Сосед.

Сосед. Не «соседка», не «добро пожаловать в наш дивный край, путник», а просто «сосед». Как констатация неприятного факта.

– Добрыня, – ответил, пытаясь изобразить дружелюбие. – Я архитектор.

Она окинула меня взглядом с головы до ног – промокшие дорогие кроссовки, брендовую куртку, растерянное лицо. В ее глазах я прочитал полный набор: недоверие, презрение и легкое раздражение.

– Понаехавшие, – проронила она как диагноз.

– Извините?

– Ничего, – она перехватила ружье поудобнее. – Просто думала вслух.

Атмосфера была настолько дружелюбной, что впору было начинать переговоры о мире.

– Может, уберете ружье? – предложил. – Я же не бандит.

Василиса посмотрела на меня с таким скепсисом, словно я заявил, что прилетел с Марса.

– Еще неизвестно, кто вы такой, – заявила она. – Документы можно подделать.

– Зачем мне подделывать документы на этот... – я осекся, поняв, что сказать «на эту развалину» было бы не слишком дипломатично.

– На что? – в ее голосе появились стальные нотки.

– На этот... замечательный дом, – поправился я.

– Этот «замечательный дом» принадлежал дяде Васе. Хорошему человеку. А теперь его купил какой-то... – она снова окинула меня презрительным взглядом, – городской фронт в кроссовках за полмашины.

За полмашины? Да они стоили всего пятнадцать тысяч! Хотя для местных зарплат это, наверное, действительно космическая сумма.

– Я хотел пожить в тишине, – попытался объяснить, сам не понимая, зачем это делаю.

– В тишине? – девушка усмехнулась, и в этой усмешке не было ни капли тепла. – В деревне? Да вы, батенька, явно не туда заехали. Здесь с пяти утра петухи орут, днем тракторы грохочут, вечером собаки лают. Не ваша это тишина.

В ее интонации ясно читалось: «Так что катись обратно в свою Москву, пока не поздно».

– Думаю, привыкну, – сказал с максимальным оптимизмом.

– Ага, – она явно в это не верила. – Посмотрим, сколько вы продержитесь. Особенно когда поймете, что нормального интернета здесь нет, магазин работает до восьми, а ближайшая кофейня – в областном центре.

– У меня спутниковый интернет, – возразил.

– Ну-ну, – кивнула Василиса с таким видом, словно я рассказал ей о телепорте. – А когда начнутся грозы, ваш спутниковый интернет полетит к чертям.

Она явно получала удовольствие, рисуя мне картины грядущих страданий.

– Может, все-таки уберете ружье? – повторил я. – И позвольте мне войти в мой дом? И я не скажу, что наше знакомство было приятным, – я начал реально терять терпение.

Василиса посмотрела на часы на запястье.

– Ладно, – неохотно согласилась она и опустила ствол. – Но предупреждаю: любые подозрительные звуки – и я вызываю участкового.

– Спасибо за понимание, милая девушка, – сухо ответил я, моя собеседница поморщилась.

– Ключ вон тот, большой, – бросила она, кивнув на связку у моих ног.

Я поднял ключи, нашел нужный и попытался открыть замок. Щелкнуло, дверь поддалась.

– Добро пожаловать в рай, – съязвила Василиса и, не прощаясь, направилась к своему дому.

Проводил ее взглядом. Она шла, не оборачиваясь, держа ружье наперевес, как солдат на посту.

«Чудесная соседка, – подумал, поднимая сумку. – Просто душка. Жаль только, что она меня с первого взгляда возненавидела». Толкнул дверь, она заскрипела и распахнулась, явив взору непроглядную тьму и запах сырости, смешанный с запахом мышей.

Нашупал выключатель на стене, щелкнул. Под потолком загорелась одинокая лампочка, осветив все великолепие моих новых апартаментов. «Единение с природой, – повторил я про себя, оглядывая обстановку. – Что ж, Елена Викторовна, считайте, что ваш план сработал».

Правда, пока что этот план больше похож на проверку на выживание в условиях враждебного окружения. За окном где-то вдалеке лаяла собака. В соседнем доме погас свет, деревня погрузилась в сон, оставив меня наедине с новой реальностью.

А завтра, судя по всему, меня ждет продолжение знакомства с местными обычаями. И с очаровательной соседкой, которая смотрит на меня, как на разносчика чумы. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем она перестанет встречать меня с ружьем наготове?

Хотя, судя по первому впечатлению, это может затянуться.

Глава 2

Кофе в этом доме всегда варили правильно. Мама научила меня этому еще в детстве: вода должна быть горячей, но не кипящей, кофе – мелко помолотым, а настроение... ну, настроение было таким, какое есть. А сегодня оно было, мягко говоря, поганым.

Стоя у окна на кухне, прижав к губам любимую синюю кружку, я наблюдала, как мой новый сосед въезжает во двор на своем грязном внедорожнике. BMW, не меньше. Вчера застрял на дороге, а сегодня красуется как ни в чем не бывало.

– Смотри, Гомер, – обратилась я к черному коту, устроившемуся на подоконнике рядом. – Наш городской принц изволил проснуться.

Гомер лениво повернул голову и равнодушно окинул происходящее взглядом. В отличие от людей, коты умеют не париться по пустякам.

Добрыня Каменских, прости господи. Даже имя какое-то сказочное. Небось, родители в детстве много русских народных сказок читали или из культурной интеллигенции в седьмом колене. Вот не удивлюсь, если его предки владели крепостными крестьянами.

А сам Добрыня выглядит как персонаж из совсем другой истории – из тех глянцевого журналов, что валяются в приемной у зубного врача.

Мужчина вышел из машины, и я невольно хмыкнула. На нем были чужие резиновые сапоги – видимо, вчерашний урок пошел ему на пользу. Но выше красовалась куртка, которая стоила, наверное, как моя годовая зарплата. Канадский гусь или что-то в этом роде. Идеальный крой, дорогая ткань, модный цвет.

– Балерина, – пробормотала я в кружку. – Самая настоящая балерина из «Лебединого озера».

Гомер мяукнул, словно соглашаясь. Или просто требовал завтрак. С котами никогда не угадаешь. А городской франт тем временем озирался по сторонам с таким видом, словно попал в музей под открытым небом. Все ему здесь было не так: и дом старый, и забор покосившийся, и куры во дворе, кстати, мои куры, кудахчут не по расписанию.

Ну что, батенька, не такой уж это рай, как в туристических проспектах?

Конечно, зря я его вчера ружьем пугала. Но когда видишь, как кто-то в темноте копается в чужом замке, мало ли что в голову придет. А после смерти мамы я стала осторожнее. В последнее время по деревне бродит слишком много странных типов. Если еще учесть, что в пятидесяти километрах колония общего режима.

Хотя этот странный тип оказался владельцем дома. Законным владельцем, с документами. Но мне от этого не легче. Дело в том, что наши участки не просто соседствуют – когда-то они были единым целым.

Дядя Вася и мой дед были друзьями, они даже толком не размежевали землю. Половина моего огорода технически находится на его территории, а его сарай стоит на моей. И что теперь? Делить все по справедливости? Судиться?

– А может, он через месяц сбежит обратно в Москву, – сказала Гомеру. – Как думаешь?

Кот потянулся и спрыгнул с подоконника. Ему было наплевать на мои проблемы, у него были свои – например, пустая миска.

Я продолжала наблюдать. Добрыня что-то доставал из машины, явно собираясь обустроиться по-настоящему. Чемоданы, коробки, какие-то приборы в блестящих корпусах. Наверное, техника. Городские без техники жить не могут, это для них как жить без рук.

И тут он обернулся в сторону моего дома. Наши взгляды встретились. Я не отвела глаз – пусть знает, что за ним наблюдают. Он помахал рукой, изображая дружелюбие. Я же демонстративно отпила кофе и отошла от окна.

«Дружелюбие, – фыркнула я про себя. – Ага, конечно. Сначала дружелюбие, потом уговоры, потом деньги на стол, а потом – «извините, но теперь я здесь главный».

Артур тоже был дружелюбным. В самом начале. Дарил цветы, читал стихи, рисовал совместное будущее. А потом... потом оказалось, что у него есть планы получше. И не со мной.

– Гомер, а помнишь Артура? – спросила кота, который терся о мои ноги, выпрашивая еду.

Конечно, помнит. Гомер Артура на дух не переносил. Гадил ему в обувь и шипел, когда тот пытался меня обнять. Животные чувствуют людей лучше нас, их не обманешь.

Насыпала коту корма и снова подошла к окну. Добрыня возился с какой-то коробкой, пытаясь затащить ее в дом. Видимо, тяжелая. В Москве, наверное, для таких дел грузчиков нанимают.

– «Единение с природой», – усмехнулась я, вспомнив его вчерашние слова. – Посмотрим, как долго это продлится.

Артур тоже говорил красивые слова. Про любовь до гроба, про семью, про детей. А когда узнал о беременности, у него было такое лицо, словно я ему приговор зачитала. «Рано», – сказал он. «Надо подождать». «Карьера, планы, сейчас не время для детей».

А потом, потом... Хотя нет, я не хочу об этом вспоминать

И после этого мужчины вроде Артура – успешные, уверенные в себе, с дорогими игрушками и красивыми словами – вызывают у меня аллергию вплоть до приступа. А этот Добрыня – типичный представитель породы. BMW, брендовая куртка, кроссовки, манеры столичного жителя. Наверняка считает нас, деревенских, чем-то вроде говорящих декораций.

Хорошо, что сегодня суббота. Не нужно ехать в школу, слушать, как дети пересказывают мультики, и делать вид, что у меня все прекрасно. Можно побыть дома, в тишине, с Гомером и кофе.

– Знаешь что, – сказала я коту, который деловито хрустел кормом, – может, он и правда не задержится. Посмотрит на наши прелести и драпанет восвояси. А тебе пора уже начать ловить мышей.

Гомер поднял голову и посмотрел на меня с выражением «не слишком ли ты оптимистична и не много ли ты от меня просишь?».

Да, пожалуй, слишком. Судя по количеству вещей, которые он выгружает, он настроился серьезно. И документы у него настоящие, и дом он купил не для того, чтобы неделю побыть на природе.

Значит, придется привыкать к соседству. К тому, что за забором будет жить чужой человек, который рано или поздно начнет предъявлять претензии по поводу участка. Или решит что-то перестроить, улучшить, привести в цивилизованный вид.

А может, он из тех, кто любит музыку погромче? Или вечеринки устраивать? Или друзей-москвичей в гости звать?

– Гомер, а если он окажется любителем шумных компаний? – поинтересовалась я у кота.

Гомер, как всегда, загадочно промолчал. Но по выражению его морды было понятно: в таком случае придется принимать меры. Коты не любят, когда нарушают их покой. И я тоже не люблю.

Впрочем, паниковать рано. Может, он действительно приехал поработать над каким-то проектом и будет вести себя тише воды, ниже травы. Архитекторы – народ творческий, им нужна тишина для вдохновения.

Хотя нет, я вру себе. Мне просто хочется, чтобы все осталось, как есть. Чтобы никто не вторгнулся в мой маленький мирок, где я могу спрятаться от воспоминаний и болезненных мыслей.

Но жизнь – упрямая штука. Она не спрашивает, готов ты к переменам или нет. Она просто подбрасывает новые обстоятельства и смотрит, как ты будешь выкручиваться. А мое новое обстоятельство сейчас пыхтело, затаскивая в дом очередную коробку с явным энтузиазмом.

– Ничего, – сказала я Гомеру. – Пара недель такой жизни, и он сам поймет, что деревня – не его стихия.

Кот замурлыкал, вылизывая миску. Может, он был со мной согласен, а может, просто наслаждался завтраком. А за окном мой новый сосед продолжал обустриваться. И что-то мне подсказывало, что скучно мне точно не будет.

Даже если я этого совсем не хочу.

Глава 3

Первое, что я понял, проснувшись в своем новом жилище, это то, что психолог Елена Викторовна явно не ночевала в неотапливаемых деревенских домах в марте. Иначе она бы не советовала мне искать здесь гармонию с природой, а порекомендовала бы хорошую пуховую куртку и обогреватель промышленной мощности.

Проснулся от того, что зубы стучали друг о друга в ритме чечетки, а дыхание превращалось в густое облако пара. Термометр на стене показывал плюс два. В доме! В марте! В XXI веке!

«Единение с природой», – пробормотал я, выбираясь из-под трех одеял, которыми накрылся накануне. Природа, видимо, решила проверить мою стойкость к суровым испытаниям. И пока что я эту проверку с треском провалил.

Вчерашняя попытка растопить печь закончилась полным фиаско. Я заложил дрова, поджег бумагу, какой-то «Деревенский вестник» от 1985 года пустил на растопку – а в итоге получил дымовую завесу, как будто партизаны сигнализировали о приближении врага. Дым шел в дом, а не в трубу, и я в панике открыл все окна, превратив жилище в морозильную камеру.

«Архитектор с двумя дипломами не может справиться с примитивной печкой», – язвительно заметил внутренний критик. «Наверное, в университете был необязательный курс «Деревенские премудрости для городских олухов».

Делать нечего. Завтрак из термоса остывшим вчерашнем кофе, быстрое умывание ледяной водой из ведра. Да-да, водопровод здесь тоже в диковинку. И направился на поиски обуви для спасательной операции. Мои вчерашние кроссовки за пятнадцать тысяч превратились в скульптуры современного искусства из грязи и разочарований.

В сарае, среди паутины и сельскохозяйственного хлама времен Брежнева, нашлись резиновые сапоги. Высокие, черные, вроде бы подходящего размера. Прежний хозяин, дядя Вася, видимо, разбирался в практичной обуви.

Натянул сапоги, взглянул в треснувшее зеркало на стене. Отражение было... впечатляющим. Московский архитектор в дорогой куртке и деревенских сапогах выглядел как участник какого-то сюрреалистичного маскарада.

«Ничего, – подбодрил я себя. – Главное – функциональность».

Направился к месту вчерашнего фиаско, где мой железный конь героически сражался с деревенской грязью и потерпел поражение. По дороге встретил нескольких местных жителей. Большинство смотрели с любопытством, некоторые с плохо скрываемой усмешкой. Видимо, слухи о вчерашнем приключении уже разлетелись по деревне.

И тут я увидел того самого мужичка, который вчера содрал с меня пятьсот рублей и исчез в неизвестном направлении вместе с обещанным трактором.

Он шел по дороге, насвистывая что-то веселое, с таким видом, словно не он вчера кинул городского лоха на деньги, а просто прогуливался, наслаждаясь утренней прохладой.

Заметив меня, мужичок резко остановился. Затем развернулся и быстрым шагом направился в противоположную сторону.

«Ага, попался, голубчик!» – подумал я и прибавил шагу.

– Стой! – крикнул. – Разговор есть!

Мужичок перешел на бег. Я тоже. Картина, надо признать, была комичная: местный житель удирает по деревенской дороге, а за ним гонится московский фраер в резиновых сапогах и дорожкой куртке.

Догнал его у магазина. Мужичок сдался и остановился, тяжело дыша.

– Ты чего бегаешь? – спросил, тоже отдуваясь. – Совесть мучает?

– Да нет, что вы, барин, – замахал он руками. – Просто... э... утреннюю зарядку делал. Для здоровья.

– Зарядку, говоришь? А вчера где был? С трактором?

Лицо мужичка приняло страдальческое выражение.

– Ой, барин, не сердитесь! Мы это того... вчера увлеклись. Поминали жену Петькину, царство ей небесное. Ну и того... помянули от души. А когда очнулись, уже ночь на дворе, темно. Корней-то говорит: «Поедем завтра с утра, в темноте только хуже сделаем».

– Жену Петькину поминали, – повторил. – Понятно. А деньги где?

– Какие деньги, барин?

– Те самые пятьсот рублей, которые ты взял с меня за буксировку!

– А, эти! – просветлел мужичок. – Так они на поминки и ушли! На водочку для покойницы. Она, царство ей небесное, любила «Русский стандарт».

Я смотрел на него и понимал, что передо мной либо гениальный мошенник, либо совершенно искренний человек, который действительно потратил мои деньги на поминки неизвестной мне жены Васьки.

– Ладно, – вздохнул я. – Но трактор-то будет?

– Будет, будет! – обрадовался мужичок. – Все будет в лучшем виде! Корней уже проснулся, похмеляется. Минут через двадцать приедет.

Мы пошли в сторону дороге, где застрял мой внедорожник. И действительно, через двадцать минут послышался знакомый рев дизельного двигателя. Из-за поворота показался трактор, оставляя за собой шлейф черного дыма.

За рулем сидел тот самый Корней – парень лет тридцати, который выглядел так, будто вчера его переехал не только трактор, но и весь сельскохозяйственный парк района. Глаза красные, лицо опухшее, волосы торчат во все стороны.

– Это вытаскивать? – Корней кивнул в сторону машины

– Это.

Процедура буксировки заняла минут десять. Мой внедорожник с достоинством выбрался из грязевого плена и покатился по твердой дороге. Тракторист Корней развернулся и уехал, даже не попрощавшись.

– Ну что, барин, все получилось? – спросил мужичок.

– Получилось, – согласился я. – А тебя как зовут, кстати?

– Семен Петрович, – представился он. – Если что понадобится – обращайся. Мы тут друг друга не бросаем.

«Ага, особенно когда дело касается денег за несуществующие услуги», – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Сел в машину, поехал к своему новому дому. По дороге размышлял: а может, Семен Петрович и правда просто потратил мои деньги на поминки? В конце концов, в деревне наверняка свои традиции, своя этика. И кто я такой, чтобы их судить?

Въехал во двор и начал выгружать вещи из багажника. Чемоданы, коробки с техникой, пакеты с продуктами. Все то, что должно было сделать мою жизнь в деревне более цивилизованной.

И тут я почувствовал знакомое ощущение – кто-то наблюдает за мной. Обернувшись, я увидел в окне соседнего дома чей-то силуэт. Василиса. Моя вчерашняя знакомая с охотничьим ружьем стояла у окна с кружкой в руках и внимательно следила за моими действиями.

Помахал ей рукой. Она даже не пошевелилась.

«Ну конечно, – усмехнулся. – Дружелюбие – это не про нас».

Продолжил таскать вещи, украдкой поглядывая на соседский дом. Интересно, что она обо мне думает? Наверняка ничего хорошего. Типичный москвич-выскочка, который приехал поиграть в деревенскую жизнь, а через месяц сбежит обратно в цивилизацию.

А может, она права? Может, я действительно не выдержу местных реалий и вернусь к привычному комфорту? «Посмотрим, – сказал я себе, поднимая очередную коробку. – Посмотрим, кто кого».

А из соседнего окна по-прежнему чувствовался пристальный взгляд. Василиса возвращалась на свой наблюдательный пост.

Что ж, зрителей у моего эксперимента по единению с природой становится все больше. Остается только надеяться, что представление не будет слишком комичным.

Хотя, судя по вчерашнему дню, комедия уже вовсю идет.

Глава 4

Суббота – единственный день, когда можно побыть дома и не слушать, как первоклассники рассказывают, что их кот съел хомяка или что папа обещал купить новую приставку. Можно спокойно выпить кофе, заняться домашними делами и... понаблюдать за приключениями соседей.

А наблюдать было за чем.

Мой новоиспеченный сосед Добрыня явно решил покорить деревенский быт с тем же упорством, с каким покорял, видимо, московские высотки. Весь день он то выходил во двор, то возвращался в дом, то таскал какие-то коробки, то что-то изучал в сарае.

– Смотри, Гомер, – сказала коту, который снова устроился на подоконнике рядом со мной. – Городской турист осваивается.

Гомер лениво повернул голову в сторону соседнего двора, равнодушно окинул происходящее взглядом и снова устроился поудобнее. Коты – мудрые создания. Они не тратят силы на то, что их не касается.

А меня почему-то касалось. Хотя не должно было.

После обеда архитектор-первопроходец решился на подвиг: попробовал колоть дрова. Я как раз развешивала белье на веревке во дворе и невольно стала свидетельницей этого исторического момента.

Сначала он долго разглядывал поленья, словно они были древними артефактами. Потом взял топор и попробовал ударить. Полено отскочило, чуть не угодив ему в ногу.

– Ну и дурак, – пробормотала, продолжая развешивать наволочки.

Но надо отдать ему должное – он не сдался. Минут сорок провозился с этими дровами, и у него даже что-то получилось. Конечно, половина поленьев разлетелась в разные стороны, а сам он выглядел так, словно сражался с драконом, но небольшая кучка дров все-таки появилась.

Мысленно поставила ему плюстик. Упорство – это хорошо. Хотя упорства мало, когда дело касается деревенской жизни.

Артур тоже был настойчивым. Целых полгода упорно добивался меня, упорно уверял в любви, упорно строил планы на нашу совместную жизнь.

«Не думай об этом, – одернула я себя. – Прошло уже больше года. Хватит себя терзать».

Но мысли имеют неприятное свойство возвращаться в самый неподходящий момент. Вечером я вышла на крыльцо с чашкой чая. Гомер важно последовал за мной – он обожал вечерние посиделки на свежем воздухе. Устроился рядом на ступеньке и принялся умываться лапой.

И тут во дворе появился сосед. Из трубы его дома валил дым – не черный, как вчера, а обычный, белый.

– Ну надо же, – сказала я Гомеру. – Печку растопил. Молодец.

Гомер замурлыкал, словно соглашаясь. Или просто выражая удовольствие от вечернего тепла. Добрыня увидел меня, улыбнулся и помахал рукой. Как утром. Видимо, считает себя очень дружелюбным соседом.

Я демонстративно отпила чаю и отвернулась. Не хочу давать ложных надежд. Через пару недель он поймет, что деревня – не его стихия, соберет свои коробки и уедет обратно в Москву. А мне тут жить. И привыкать к новому соседу я не собираюсь.

Мужчины вообще склонны исчезать в самый неподходящий момент. Я уже убедилась в этом на собственном опыте.

Услышала знакомый звук – рокот трактора. Корней. Только его мне сейчас не хватало. Трактор подкатил к моим воротам, его водитель заглушил двигатель, спрыгнул на землю, и

в калитку вошел высокий парень в чистой футболке и джинсах, заправленных в резиновые сапоги.

Лицо было опухшим, видимо, вчерашние поминки дались ему нелегко. Но выглядел он почти празднично, насколько это возможно для Корнея.

– Привет, Вася, – сказал он, и в его голосе прозвучала какая-то особенная нежность. Я поморщилась. Ненавижу, когда он называет меня Васей. Как какого-то мужика.

– Здравствуй, Корней.

– Чаек пьешь? – он подошел ближе. – А я вот думаю... может, съездим сегодня в Ольховку? Там в кинотеатре новый фильм показывают. Какой-то американский боевик.

Ольховка – это соседнее село в двадцати километрах отсюда. Там действительно есть кинотеатр, и иногда туда даже привозят новые фильмы, я там преподаю в школе. Местная молодежь считает это верхом развлечений.

– Не хочу, – коротко ответила.

– Да ладно тебе, – Корней присел на ступеньку рядом. Гомер недовольно зашипел и отошел подальше. Кот Корнея не любил. – Когда ты в последний раз ходила в кино? Года два назад?

– Год, – поправила я. – И то с мамой.

– Ну вот видишь! Надо же иногда развеяться. А то все дома да дома.

Корней ухаживает за мной уже больше года. Он искренне считает, что рано или поздно я сдамся и соглашусь стать его женой. В его планах все просто: он заберет меня, мы поселимся в его доме с его матерью, нарожаем детей, и будет нам счастье.

Проблема в том, что счастья-то как раз и не будет. Корней – хороший парень, работающий, особо не пьет, не буянит. Но между нами ничего нет. Ни искры, ни влечения, ни даже простой симпатии. Он мне как брат. Нет, даже не как брат – как дальний родственник, которого видишь раз в год на семейных праздниках.

– Корней, – вздохнула. – Мы уже сто раз это обсуждали. Ты хороший человек, но...

– Но что? – он с надеждой посмотрел на меня. – Я же не алкаш какой-нибудь, это мы вчера со Степанычем поминали просто. Работаю, дом свой есть, трактор...

– Дело не в этом.

– А в чем тогда? – Корней явно ничего не понимал. Для него все было просто: он меня хочет, значит, я должна согласиться. – Может, ты все еще переживаешь из-за того, московского?

Артур. Он имел в виду Артура. Вся деревня знала нашу историю: как я с ним встречалась, как он обещал на мне жениться и как... Нет, об этом не сейчас.

– Корней, послушай меня внимательно, – сказала как можно терпеливее. – Ты молодой, хороший парень. Найди себе девушку, которая тебя по-настоящему полюбит. Вон Мария с фермы...

– А, эта толстушка? – Корней скривился. – Не, она не в моем вкусе. Габариты не те.

«Дурак», – подумала я. Машка – ветеринар на молочной ферме, веселая, добрая девушка. Да, она не модельной внешности, но у нее золотое сердце. И она по уши влюблена в Корнея – это видно всем в деревне, кроме него самого.

– Машка хорошая девушка, – сказала я. – И умная. А ты...

– Что я?

– Ты идиот, – честно призналась.

Корней обиделся.

– Почему это я идиот? Я что, плохо к тебе отношусь? Цветы дарю, в кино приглашаю...

– Дарить цветы девушке, которая тебе сто раз говорила «нет», – это и есть идиотизм.

Из соседнего двора донесся какой-то шум. Я невольно посмотрела туда и увидела Добрыню, который делал вид, что занят своими делами, но явно прислушивался к нашему разговору.

Любопытный.

– Вася, ну не злись, – Корней попытался взять меня за руку. – Я же от чистого сердца... Я отдернула руку.

– Корней, сколько можно? Нет – значит нет. Найди себе другую. Не трать время.

– Но я же тебя...

– Не любишь, – жестко перебила. – Ты влюбился в картинку. В представление о том, какой должна быть твоя жена. А меня настоящую ты вообще не знаешь.

Корней помолчал, обдумывая сказанное.

– А что, если бы я тебя узнал? – неожиданно спросил он. – Что, если бы мы проводили больше времени вместе?

Господи, ну что за упрямство?

– Корней, послушай...

Но он уже встал и направился к калитке.

– Подумай, – сказал он на ходу. – Предложение остается в силе. Кино никуда не денется.

Трактор завелся и укатил, оставляя за собой шлейф выхлопного дыма. Я допила остывший чай и собралась зайти в дом, как вдруг услышала голос.

– Извините...

Обернулась. Мой сосед стоял у общего покосившегося забора с таким видом, словно хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать.

– Что? – спросила не слишком дружелюбно.

– Я тут подумал... может, вам нужна помощь? По хозяйству? Я бы мог...

Ну вот, еще один. Только этого мне не хватало.

– Нет, – коротко ответила.

– Или... я слышал про кино в соседнем селе. Может быть...

Развернулась и направилась к крыльцу. Гомер важно последовал за мной, выразительно посмотрев на нового соседа.

«Мужчины, – мысленно пожаловалась я коту. – Стоит одному услышать про кино, как тут же лезет со своими предложениями». Закрyla за собой дверь и прислонилась к ней спиной. За окном все стихло – видимо, архитектор понял намек.

– Гомер, – сказала я коту, который уселся рядом и смотрел на меня зелеными глазами, – может, мне забор повыше поставить и замок на калитку повесить? А то скоро тут проходной двор будет.

Гомер промурлыкал что-то утешительное. Единственный мужчина в моей жизни, который меня понимает, – это кот. Ирония судьбы какая-то.

Глава 5

После того, как я успешно освоил искусство колки дров (с пятой попытки) и более-менее подружился с домашней печкой, решил заняться изучением своих владений. В конце концов, если уж я купил этот райский уголок за космическую сумму, то должен хотя бы знать, что именно мне принадлежит.

Весь день я чувствовал на себе взгляд соседки. Василиса то появлялась в окне, то выходила во двор по каким-то своим делам, но неизменно поглядывала в мою сторону. Словно я был участником какого-то реалити-шоу, а она главным судьей.

«Интересно, – думал я, в очередной раз поймав ее взгляд, – ставит ли она мне оценки? "Колка дров – три балла, растопка печи – четыре, общий вид – двойка с минусом"».

К четырем часам дня услышал знакомый рокот дизельного двигателя. Корней. Тот самый тракторист, который вчера вытащил мою машину из грязевого плена, а сегодня утром помог с похмелья.

Но сейчас он выглядел совсем по-другому. Чистая футболка, свежие джинсы, даже волосы причесаны. Очевидно, парень собрался покорять женские сердца.

«А вот и местный Дон Жуан пожаловал», – подумал я, делая вид, что занимаюсь важными хозяйственными делами во дворе.

– Привет, Вася! – проорал Корней, заходя в калитку к соседке.

«Вася? – я чуть не подавился. – Василиса – это Вася? Что дальше – Александра будет Сашкой, а Екатерина – Катькой?»

– Здравствуй, Корней, – отозвалась моя соседка, в ее голосе не было ни капли энтузиазма.

– Чаек попиваешь? – Корней подошел ближе, и я увидел, как черный кот недовольно зашипел и отошел подальше. – А я вот думал... может, съездим в Ольховку? Там в кинотеатре новый фильм показывают. Боевик какой-то американский.

О, романтично. Ничто так не говорит «я тебя люблю», как предложение посмотреть, как кого-то взрывают.

– Не хочу, – коротко ответила Василиса.

– Да ладно тебе, – Корней присел на ступеньку. Кот явно считал это вторжением на свою территорию. – Когда ты последний раз в кино ходила? Года два назад?

– Год. И то с мамой.

Ага, значит, с мамой что-то случилось, ее нигде не видно. Вот почему она такая... колючая.

– Ну вот видишь! Надо же иногда развеяться. А то все дома да дома сидишь.

Парень явно не собирался сдаваться. В его голосе звучала та самая упорная настойчивость, которую мужчины принимают за романтичность, а женщины – за надоедливость.

– Корней, – вздохнула Василиса, – мы уже сто раз это обсуждали. Ты хороший человек, но...

– Но что? Я же не алкаш какой-нибудь. Работаю, дом свой есть, трактор...

Трактор как аргумент в пользу брака. В Москве обычно хвастаются машинами, квартирами, яхтами. Здесь – трактором. Местная специфика.

– Дело не в этом.

– А в чем тогда? – Корней явно не понимал, в чем проблема. – Может, ты все еще по тому, московскому, переживаешь?

Ого. А вот это любопытно. Значит, у нашей неприступной соседки была история с москвичом. Интересно, чем закончилось? Еще немного, и я пойду собирать по деревне сплетни.

– Корней, послушай меня внимательно, – сказала Василиса с терпением школьной учительницы. – Ты молодой, хороший парень. Найди себе девушку, которая тебя действительно полюбит. Вон Машка с фермы...

– А, эта толстуха? – скривился Корней. – Не, она не в моем вкусе. Габариты не те.

Какой романтик! И привереда! Девушка его любит, а он оценивает ее по габаритам. Чувства – это же так неважно по сравнению с параметрами фигуры.

– Машка хорошая девушка, – настаивала Василиса. – И умная. А ты...

– Чего я?

– Ты идиот, – честно призналась она.

Я едва не расхохотался. Надо же, как прямо! В Москве такие вещи говорят более завуалированно: «У нас разные жизненные ценности» или «Мне нужно время подумать». А здесь – просто и ясно: идиот. Я поддерживаю.

Корней обиделся.

– Почему это я идиот? Я что, плохо к тебе отношусь? Цветы дарю, в кино приглашаю...

– Дарить цветы девушке, которая тебе сто раз сказала «нет», – это и есть идиотизм, – парировала Василиса.

Браво! Золотые слова! Аплодирую стоя!

Корней помолчал, переваривая услышанное.

– А что, если бы я тебя лучше узнал? – неожиданно спросил он. – Что, если мы больше времени проводили бы вместе?

Господи, какое упрямство. Девушка ему русским языком объясняет, что ей неинтересно, а он все свое. Реально идиот.

Но Корней уже встал и направился к калитке.

– Подумай, – сказал он на ходу. – Предложение остается в силе.

Трактор завелся и укатил, оставляя за собой шлейф выхлопных газов и разбитых надежд. Я подождал пару минут, а потом подошел ближе. Василиса сидела на крыльце с чашкой и хмурым выражением лица. Рядом важно расположился черный кот.

– Извините, – окликнул я. Девушка обернулась с таким видом, словно я был очередным назойливым поклонником.

– Что?

– Я тут подумал... может, вам нужна помощь? По хозяйству? Я бы мог...

– Нет, – коротко ответила.

– Или... я слышал про кино в соседнем селе. Может быть...

Договорить я не успел. Василиса поднялась, взяла чашку и направилась к дому. Кот последовал за ней, но сначала одарил меня взглядом, который ясно говорил: «И ты туда же, городской».

Замечательно. Теперь не только хозяйка меня игнорирует, но и кот презирает. Полный комплект. Я такой же идиот, как и тракторист.

Оставшись в одиночестве, решил исследовать лучше участок. Может, там есть что-то, что поднимет мне настроение. И действительно нашел – за домом, почти скрытая зарослями, стояла баня!

Ну наконец-то что-то приятное!

Небольшая деревянная постройка с предбанником и парилкой. Старенькая, но крепкая, с настоящей печкой-каменкой. Русская баня, о которой я столько читал, но никогда толком не пользовался.

И тут меня накрыло такой тоской по нормальной помывке, что захотелось выть. Когда я в последний раз принимал что-то кроме душа? В элитном спа на Рублевке, месяца три назад. А сейчас, после дня деревенских подвигов, баня казалась вратами в рай.

«Попарюсь, – решил я с энтузиазмом первооткрывателя. – Как настоящий русский мужик. Пар, веники, квас... хотя кваса у меня нет, но это детали».

Принялся за подготовку. Натаскал воды из колодца – кстати, еще одна экзотика XXI века. Нашел в предбаннике еще дров, изучил устройство банной печи. Она была похожа на домашнюю, только больше и с горой камней наверху. «Ничего сложного», – подумал я, разжигая огонь.

Час спустя баня прогрелась, камни раскалились. Я с предвкушением разделся и плеснул на каменку ковш воды. Послышалось то самое магическое шипение, которое обещало райское блаженство.

Зашел в парилку и... начал умирать. Дым. Повсюду дым. Не целебный пар, а самый настоящий едкий дым, который превращал баню в филиал ада.

– Какого... – начал я и закашлялся так, что в ушах зазвенело.

Труба! Забита чертова труба! Заслонку-то я открыл.

Выскочил из парилки, хватая ртом воздух. Дым валил и в предбанник. Схватил одежду и выбежал на улицу, продолжая кашлять как паровоз. Стоял возле дымящейся бани голый, прижимая вещи к паху, а на улице к вечеру похолодало. Думал о том, как замечательно проходит мое единение с природой.

Елена Викторовна была бы в восторге, подумал между приступами кашля.

Как дела с внутренней гармонией? Отлично! Чуть не угорел в бане, но зато почувствовал связь с предками.

На дворе уже совсем стемнело. В соседнем доме горел свет, интересно, слышала ли Василиса мой сольный концерт? И если да, то что подумала? Наверняка что-нибудь нелестное про городских неумех.

«А может, она права, – подумал я, глядя на дымящуюся баню. – Может, я действительно не создан для такой жизни. Не умею даже баню растопить без газовой атаки».

Но сдаваться было рано. Завтра разберусь с дымоходом, научусь правильно топить баню, а там, глядишь, и соседка отгадет. Главное – не терять чувство юмора. А то единение с природой может окончательно превратиться в битву за выживание.

Глава 6

Воскресное утро в деревне отличается от буднего только тем, что петухи кричат на полтона тише – видимо, тоже соблюдают выходной. А кофе по-прежнему варится правильно, и Гомер по-прежнему устраивается на подоконнике, как верный соглядатай.

С – стабильность. Это радует.

– Ну что, мой дорогой, – сказала коту, устроившись с кружкой у окна, – будем наблюдать за утренними приключениями нашего соседа?

Гомер замурлыкал и принял позу египетского божества: спина прямая, хвост аккуратно обвивает лапы, взгляд устремлен в сторону соседнего участка. Идеальный компаньон для воскресного созерцания. А созерцать было что. Вчерашний банный эпизод до сих пор вызывал у меня приступы смеха.

– Помнишь, Гомер, вчерашнее представление? – спросила я кота. – Наш Добрыня решил попариться в баньке, которую дед Вася не топил лет пять, наверное. С тех пор, как совсем плох стал.

Гомер повернул ко мне голову и издал звук, который можно было бы перевести как «еще бы не помнить».

Зрелище действительно было незабываемое. Сначала из бани повалил такой дым, что можно было подумать, будто горит половина деревни. Потом оттуда выскочил обнаженный мужчина, кашляя и размахивая руками. Добрыня без трусов сверкал белой задницей на фоне вечерних сумерек.

Сначала я испугалась – вдруг пожар? Но потом поняла, в чем дело, и долго смеялась. Мужчина со сказочным именем попал в настоящую сказку. Ирония судьбы.

– Видела, как он носился вокруг бани? – продолжила я разговор с Гомером. – Как балерина на сцене, только без пачки. И эта его растерянная физиономия...

Кот одобрительно мурлыкнул. Он тоже был свидетелем этого цирка. В соседнем доме хлопнула дверь, и на крыльцо вышел главный герой вчерашнего представления. В одной футболке, шортах и резиновых сапогах дяди Васи. Потянулся, как кот на солнышке, оглядел свои владения и резво побежал к поленнице.

– Смотри, Гомер, – прокомментировала. – Красавчик понял, что центрального отопления здесь нет. Проморгал – значит замерз. Печку надо топить.

Добрыня хватал дрова с таким энтузиазмом, словно это были золотые слитки. Потом побежал обратно в дом, прижимая к груди охапку поленьев.

– Учится, – кивнула я коту. – Может, еще не все потеряно.

Хотя после вчерашнего банного фиаско сомнения оставались. Москвичи – они такие, привыкли, что все работает само собой. Нажал на кнопку – и тепло, повернул кран – и вода. А тут надо думать, планировать, руками работать.

Артур тоже был из таких, все они одинаковые, белоручки.

– Гомер, как думаешь, – спросила кота, – сколько продержится наш новый сосед? До первых холодов? Или до того момента, когда интернет окончательно перестанет работать?

Гомер зевнул.

И тут к калитке соседа подошла знакомая фигура. Клавдия Семеновна из сельмага. В ярком платке, с корзинкой, накрытой чистым полотенцем, и с таким выражением лица, какое бывает у охотниц, вышедших на тропу.

– О-о-о, – протянула я. – Гомер, смотри! Клава пошла в атаку.

Кот насторожился. Он знал Клавдию и относился к ней с осторожным уважением – эта женщина была из тех, кто может и за ухо дернуть, если кот лезет не в свое дело. Клава была

нашей местной тяжелой артиллерией, мимо нее не проходил ни один более или менее стоящий внимания приезжий.

Ей было уже тридцать восемь, имелось двое детей, близнецы Сеня и Веня четырнадцати лет, те еще оболтусы. Кто их отец, доподлинно было неизвестно, но близнецы боялись и слушались только мать.

Клавдия заглянула в калитку, окинула участок оценивающим взглядом и решительно направилась к дому. Походка у нее была особенная – от бедра, как у женщины, которая точно знает, чего хочет, и готова это получить.

– Ну вот, – сказала я Гомеру. – Началось. Вся деревня уже обсуждает нового жильца. Семен Петрович, конечно, растрепал всем про машину и деньги. Корней тоже поделился информацией – он не из тех, кто умеет держать язык за зубами.

А теперь местные дамы отправились на разведку. Клава – передовой отряд.

– Интересно, что у нее в корзинке? – размышляла я вслух. – Пирожки? Молочко и творожок? Домашняя выпечка? Или сразу предложение руки и сердца?

Гомер мяукнул – видимо, склонялся к версии с пирожками.

Клавдия Семеновна была практичной и целеустремленной женщиной. Держала себя в форме, красилась и одевалась со вкусом. Всегда, сколько я ее помню, была в поисках идеального мужчины. И тут такая удача – москвич, на дорогой машине, дом купил!

– Клава не упустит свой шанс, – прокомментировала я коту. – Она такая... настойчивая.

Именно в этот момент дверь соседнего дома открылась, и на пороге появился Добрыня. В шортах и футболке, увидев Клавдию, он слегка растерялся.

А Клавдия улыбнулась своей фирменной улыбкой – той самой, которой она очаровывала покупателей в магазине, заставляя их покупать больше, чем они планировали. Я не слышала, о чем они там говорили, но суть понять можно было.

Мол, привет, я Клава, вот – принесла гостинец. А москвич культурный: мол, спасибо, не стоило. А она ему: да что вы, это все пустяки, здесь пирожки, молочко, творожок... бла, бла, бла. Добрыня впустил Клаву в дом, открыв перед ней дверь как джентльмен, сам внимательно посмотрел вокруг и скрылся следом.

– Ну вот, – сказала я коту. – Теперь они там будут пить чай, а Клава будет рассказывать о своей нелегкой женской доле и интересоваться, не нужна ли мужчине хозяйка в доме.

Гомер сочувственно мурлыкнул. То ли мне, то ли Добрыне.

– А знаешь, Гомер, что самое смешное? – продолжила я. – Вчера вечером он звал меня в кино. Я его послала, как Корнея. А теперь пришла Клава, и он пригласил ее в дом. Мужчины такие – не получилось с одной, попробуют с другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.